

ниваем сокращения примерно в 10—15%. Тогда искомое значение объема информации будет находиться в интервале между 1550 и 1650 п. л., приближаясь округленно к 40 000 страниц стандартного машинописного текста.

Наконец, еще один важный показатель. Опираясь на изучение выборочной совокупности материалов, можно утверждать, что каждые 40—50 дел содержат с большой вероятностью, как минимум, один ответ на все вопросы «Крестьянской» программы. Легко подсчитать, что для 1844 дел «средний тираж» ответа на каждый пункт программы составляет примерно 40 (при наличии определенной дисперсии, значение которой зависит от раздела программы).

Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева позволяют воссоздать этнографически (этносоциологически) целостную картину жизни русских крестьян на грани XIX и XX вв., в канун громадных социальных перемен. За годы, прошедшие с момента создания Этнографического бюро, его материалы неоднократно использовались в научных публикациях дореволюционного периода и особенно последних 10—15 лет. Однако эти работы чаще всего опирались на относительно узкие сектора всего массива собранных этнографических сведений, оставляя многие существенные части информации «невостребованными» даже в самой малой степени.

Следующее предложение касается сохранности материалов Этнографического бюро. Продлить их жизнь можно с помощью ЭВМ. Несмотря на кажущуюся сложность, такая задача практически разрешима. Полезно напомнить, что большинство рукописных материалов (до 3/4) имеет машинописные копии, изготовленные в начале столетия и сохранившиеся до наших дней. Именно с этих копий следует осуществить перенос информации на магнитные носители, позаботившись впоследствии и о том, чтобы ввести в ЭВМ материалы, не имеющие машинописных копий. Такая технология уберет богатейший рукописный фонд и представит широкие возможности как для научной работы, так и для обучения студентов.

Последнее. Весьма эффективным способом общенаучного использования архивов является публикация хранящихся рукописей. Этот способ является более оперативным и может помочь тому, чтобы в сознании научного сообщества утвердился более определенный взгляд на возможности материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Публикация рукописей должна быть предпринята и с целью популяризации в народе прошлого русской культуры, памятником которой являются материалы Этнографического бюро в их целостности и разнообразии.

Н. Г. Краснодембская

ШРИ ЛАНКА: ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мне посчастливилось побывать в мирной Шри Ланке и убедиться на собственном опыте, что слова многих ученых и путешественников, посетивших этот остров, о непревзойденном мягкосердечии, добром нраве, приветливости и дружелюбии местных жителей — не преувеличение, а истинная правда. Поэтому события последних лет в этой стране — факты острых межэтнических столкновений, жестокие террористические акты экстремистов — просто не укладываются в голове. Однако научное осмысление ситуации показывает определенные закономерности в возникновении конфликта, имеющего этническую окраску. Поэтому важно рассмотреть этот вопрос в соотношении таких аспектов, как национальное (и этническое) самосознание и национальная культура. Оба аспекта

тесно связаны друг с другом, как в реальной общественной жизни Шри Ланки, так и в научном плане.

Шри Ланка — небольшое государство, но оно полиэтнично: сингалы¹, самая крупная этническая общность, составляют около 12 млн. чел., или более двух третей населения страны (общая численность — 15,7 млн. чел.) по оценке на 1985 г., за ними следуют тамилы² (2,5 млн. чел.), примерно около 1 млн. чел. насчитывают «мавры»³. Менее 10% населения составляют прочие (малые) этнические группы: бюргеры и другие евразийцы, малайцы, ведды, кафиры, европейцы и пр.

«Соперничающими» группами являются преимущественно сингалы и тамилы, хотя иногда возникают и другие варианты межэтнического несогласия или конкуренции. На первом месте сейчас — проблема тамильского сепаратизма, крайнее проявление которого выражается в требовании создать на острове независимое тамильское государство. В своей основе это проявление буржуазного национализма, которое ведет к национальной отчужденности, бесконечной, говоря словами В. И. Ленина, «национальной грызне»⁴.

В то же время В. И. Ленин глубоко сознавал объективную закономерность национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, пробуждения угнетенных наций. Он писал: «В таких нациях есть еще объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета»⁵. Это словно бы сказано про Цейлон первой половины XX века. Именно в этот период активизировалась (а в конечном счете и увенчалась успехом) антиколониальная, антиимпериалистическая борьба народов этой страны. Цейлон (ныне Шри Ланка) более четырех веков находился под властью европейских колонизаторов — португальцев, голландцев, англичан (с начала XVI до середины XX вв.), и в полной мере испытал гнет чужеземного ига. Перед лицом европейских захватчиков полиэтничная общность, какую представляло и представляет собой население Шри Ланки, выступала в единстве, и тогда за понятием «национальное» чаще всего стояло «общеланкийское».

Собственно, именно в эпоху европейской колонизации на Ланке активизировались процессы национального самосознания, оживился интерес к проблемам национальной, в особенности традиционной культуры. Период 50-х — 90-х годов прошлого века уже был отмечен активными и глубокими общекультурными процессами в ланкийском обществе, в основе своей связанными с серьезными политическими, экономическими и идеологическими сдвигами. Это было время подъема патриотических чувств. Экономические, административные и культурные реформы правителей обеспечили командное положение иностранцев в стране, разрушили и расшатали многие традиционные социальные институты, создали принципиально новые, к которым местному населению было не так-то легко приспособиться. Ланкийцы испытали не только губительные последствия ряда экономических мероприятий, выгодных метрополии и приведших к нищете и разорению широких масс крестьянства, но и репрессии в отношении недовольных, давление в общественной жизни вплоть до запретов на религиозные церемонии. Более или менее резкий диктат был ощутим и в разных областях культуры: он проявлялся в пре-

¹ Сингалы — выходцы из Северной Индии. По своему антропологическому типу они относятся к южным (темноволосым) европеоидам. Сингальский язык принадлежит к новоиндийской ветви индоевропейских языков, ему близки такие современные языки, как маратхи, гуджарати, бенгальский.

² Их ближайшие родственники — индийские тамилы, численностью до 60 млн. чел. (один из дравидских народов), предки которых с древних времен населяли южную часть полуострова Индостан. Эти народы имеют некоторые отличия в физическом облике, по сравнению со своими соседями из Северной Индии, их языки составляют особую, дравидскую, или дравидийскую семью.

³ Потомки пришлого торгового люда арабского, персидского, частично индийского корня.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 322.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 111.

небрежении к местным языкам, традиционному мировоззрению, системе образования, в навязывании английского языка, различных западных систем и институтов, ценностных установок и т. п. В частности, пропаганда христианства настойчиво преследовала одну из важных колониальных задач — духовное закрепощение местного населения. И когда это было осознано, то вызвало в национальной среде активный протест.

Пробуждение Цейлона полностью совпадает с тем «пробуждением Азии», которое В. И. Ленин считал знаменующим «в начале XX века новую полосу всемирной истории». Он писал: «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁶. Национально-освободительные и просветительские тенденции на острове с самого начала проявили себя в этно-конфессиональной сфере. Можно говорить о сингальском или буддийском движении за культурное возрождение и независимость, о тамильском или индуистском, а также мусульманском культурно-просветительном движении. В целом это отражало картину этнического состава страны, сохраняющуюся здесь и до наших дней. Сингалы в подавляющем большинстве — буддисты, тамилы — индуисты, в мусульманской же общине кроме мавров — еще и малайцы — выходцы из стран Юго-Восточной Азии. Эти группы главным образом и противостояли (в той или иной степени и форме) колониальной политике в различных сферах общественной жизни. Тогда пробудился особый интерес к собственному языку, что отразилось, в частности, в модернизации литературного языка, приближении его к разговорной форме.

В связи с появлением местной периодики складывается и язык прессы, вырабатывается современная общественно-политическая лексика, новая научная терминология. Повышенное внимание уделяется литературному наследию, осуществляются переводы старинных текстов, составляются многочисленные комментарии и толкования древних памятников традиционной культуры, усиливается интерес к истории собственной страны, к народным традициям, обычаям, ремеслам, искусству. Активизируются усилия по созданию сети национальных школ и других учебных заведений, где пропагандировались бы традиционные духовные ценности. Все это требовало активной борьбы: сражаться приходилось даже, например, за включение курса истории Ланки в программу колледжей. Поэтому возникала необходимость соединения усилий. Так, в борьбе за создание национального Университета принимали совместное участие деятели и сингальского, и тамильского движения за культурное возрождение и прогресс — такие, как А. Кумарасвами, П. Аруначалам, В. А. де Сильва и др.

Под национальными ценностями, спонтанно, а также в качестве прямой реакции на христианизацию, понимались прежде всего традиционные для ланкийского населения религиозные установки, концепции и идеалы (буддийские, индуистские, мусульманские). Активное антихристианское движение возникло уже в середине XIX в., как в буддийской (сингальской) среде, так и в индуистской (тамильской), а двумя-тремя десятилетиями позже в эту борьбу включаются и мусульмане. Через сферу религии колонизаторы стремились не только подчинить как можно больше местных жителей, но и по возможности разъединить, противопоставить группы, принадлежащие разным традиционным религиозным направлениям. Британские правители поощряли даже распри между местными христианами, например, между протестантами и католиками⁷. Впрочем точно так же они старались «разделить» горных и равнинных сингалов, выделить из общей среды ланкийцев — бюргеров, вводя определенные привилегии для одних в противовес другим.

Борьба с распространением христианства создавала общую платформу для представителей главных этноконфессиональных групп Ланки, включившихся в национально-освободительное движение. Общей здесь

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 146.

⁷ Талмуд Э. Д. Общественно-политическая мысль Шри Ланки в новое время. М., 1982. С. 66.

была и идеализация собственного прошлого, в то же время наличествовали и сильные реформаторские тенденции, а главное — активная просветительская направленность, в том числе на распространение образования среди женщин. Антихристианские тенденции и настроения иногда превращались в целом в антизападные: превозносились достижения собственной культуры и осуждались пороки (иногда преувеличенные) — западной. И тем не менее в этот период происходило также и активное освоение западной культуры в самых разных ее проявлениях и разных областях, зачастую однако в самой конфликтной форме. Прав был И. П. Минаев, когда писал о так называемой «культурной миссии» колонизаторов в странах Востока: «Многие из них (англичан-колонизаторов. — *Н. К.*) не догадываются о том, что никакие блага культуры не искупят социальной неправды»⁸. Момент насилия, действительно, осложнял восприятие даже рациональных элементов чужой культуры (достижения медицины, техники и т. п.), которые постепенно все же были усвоены ланкийцами.

Полемичность этого культурного «диалога» приводила иногда и к защите реакционных явлений традиционной культуры (находились, например, даже защитники кастовой системы). Однако наиболее трезвые и глубокие мыслители умели объективно оценивать достижения обеих культур и считали своим патриотическим долгом способствовать сохранению гуманного и рационального. Характерно, что многие деятели национального просветительства (Мигеттуватте Гунананда-тхера, Хиккадуве Шри Сумангала-тхера, С. Нагалингам, С. Т. М. Пасупати Четтияр и П. Кумарасвами, Анагарика Дхармапала и др.) ратовали за изучение современных наук, приобщение к европейским научно-техническим знаниям, изучение европейской культуры и, в частности, европейских языков (прежде всего английского). Любопытно, что эта ситуация нашла яркое отражение в художественной литературе. Это своеобразно проявилось, прежде всего, в новой для Ланки форме романа. Так, П. Сирицена (1875—1946), выступая поборником буддийских идеалов и ценностей⁹, с которыми он связывал идеи национального возрождения, непомерно идеализировал прошлое Ланки, ее буддийской культуры и был неприимимым противником западной культуры, которую он целиком идентифицировал с христианством. Хотя в художественном отношении творчество П. Сирицены оценивается не очень высоко, тем не менее его общественное значение, роль в пробуждении национального самосознания были весьма заметными. Движение общественной мысли в этой области хорошо прослеживается в художественной прозе крупнейшего сингальского писателя Мартина Викрамасинхи (1891—1979), явно полемизировавшего с П. Сириценой уже в своем первом романе «Ли́ла» (1914 г.). М. Викрамасинха выступал как рациональный мыслитель, образованный человек, знакомый с достижениями современной ему науки, патриот, вместе с тем не идеализировавший национальную культуру. Таким образом, литература, с одной стороны, была зеркалом общественной ситуации, а с другой, — рупором пропаганды идей национального развития.

В процессе мирного и немирного контакта культур ланкийцы познакомились и со многими достижениями европейской общественной мысли — на первом этапе с идеями утопического социализма, буржуазного либерализма. Идеи утопического социализма были особенно близки буддийским идеалам, так как ланкийский буддизм издавна имел собственную теорию идеального государства, где под покровительством и охраной мудрого и справедливого правителя должно быть достигнуто благоденствие и счастье каждого члена общества. С социальными теориями ланкийцы знакомились по европейской литературе (научной, обществен-

⁸ *Минаев И. П.* Англичане в Бирме. Из путевых впечатлений // Вестник Европы. СПб., 1887. Т. VI.

⁹ Его перу принадлежат очень популярные в свое время романы «Джаятисса и Розалинда, или „Счастливый брак“», «Что случилось с нами», «Любовь молодой женщины».

но-политической и художественной), а также непосредственно контактируя с иноземными системами управления, администрирования у себя дома. Нельзя не учитывать и влияния индийского национально-освободительного движения, индийской антиколониальной борьбы на ланкийское общество. Влияние это было значительным и развивалось, в частности, через конфессиональные связи (с индийскими мусульманами, с индуистскими реформаторами и просветителями).

В конце XIX — начале XX в. в самом ланкийском обществе происходили сильнейшие сдвиги, активные процессы расслоения, поляризации отдельных социальных и этнических групп. Появляются черты капиталистического уклада, образуются новые социальные классы и группы, нарождается национальная буржуазия, новая интеллигенция, формируется рабочий класс¹⁰. Все эти процессы осложнялись и по особому «окрашивались» в обстановке иноземного господства. С самого начала и среди национальной буржуазии, и среди интеллигенции, в значительной мере с «помощью» европейских правителей, обозначились границы (возможные линии конфронтации) между отдельными, в том числе и этноконфессиональными, группировками. Так, в рядах торговой буржуазии с самого начала возникла конкуренция между тамилами и маврами, с одной, и сингалами — с другой стороны. Тамилы же составили значительную часть интеллигенции, особенно ее высших групп. Это объяснялось тем, что в тамильской среде успешнее шел процесс христианизации, а христианам было доступнее обучение в колониальных учебных заведениях. Таким образом, это «дало представителям имущих классов тамиллов возможность занять большее количество мест в колониальной администрации в последующие годы»¹¹. До начала XX века сильные позиции в сфере интеллектуального труда принадлежали бюргерам. Конечно, внутриэтнические размежевания и конфронтация также имели место (в частности, кастовые)¹², но в данном случае нас интересует не этот аспект проблемы.

Так или иначе, уже к началу XX в., когда в ходе развития капиталистического уклада на Ланке формируются ее основные нации — сингалы и тамилы, накоплен уже разноплановый опыт межнациональных отношений. Наблюдаются периоды и конфронтации, и единства. Нельзя не видеть, что конкурентные отношения преобладают в социально-экономической и политической сферах. Что же касается сферы национальной культуры, то здесь мотивы и поводы для противоречий и раздора не столь значительны, хотя иногда и становятся очень острыми. На первом месте нередко оказывался вопрос национального языка. Так было в 60-е годы, уже после достижения страной частичной независимости (в 1948 г. Цейлон добился статуса доминиона), когда намерение объявить сингальский язык государственным подняло целую бурю в общественной жизни, разожгло межэтнические противоречия. Таково еще одно доказательство правоты и прозорливости В. И. Ленина, столь горячо возражавшего против идеи государственного языка в многонациональном государстве¹³.

Иногда поднимается вопрос о первичности и большей «весомости» культурной традиции сингалов на острове в отличие от тамиллов или наоборот — тамиллов в отличие от сингалов. Но следует сразу сказать, что эта проблема разжигается искусственно. Родство культур велико и давность совместного проживания, взаимного влияния во всех сферах жизни этих народов глубоки и бесспорны. В пользу этого как раз этнографическая наука может привести определенные доказательства.

Что говорят нам данные этнической истории? И сингалы, и тамилы — выходцы из Индии, первые — из Северной, вторые из Южной¹⁴. Появление

¹⁰ Воронин С. В. Рабочий класс Шри Ланки. Формирование, структура и социально-экономическое положение. М., 1979.

¹¹ Талмуд Э. Д. Указ. раб. С. 51.

¹² В среде сингалов, например, это до сих пор — одна из активных линий социальной борьбы, которая проявляется даже в среде монахов.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 423.

¹⁴ Миграции из Индии были predeterminedены самой географической близостью острова к Индостану; юг Индии и Ланка обладают общими географическими, экологическими чертами, характером геологической структуры.

ние на Ланке этнических групп мавров, бюргеров, малайцев и некоторых других также связано с процессом иммиграции населения. Предполагается, что автохтонами острова являются лишь ведды. Археологические изыскания на острове свидетельствуют о том, что люди жили здесь уже несколько тысячелетий назад, хотя время их появления пока точно не установлено. На северо-западе, юге и юго-востоке обнаружены стоянки каменного века (в том числе интересные мегалитические сооружения), памятники более поздних археологических периодов. Отмечается сходство каменных индустрий, особенно позднего периода, Ланки и Южной Индии¹⁵. Это сходство обнаруживается и в находках постнеолитического и протоисторического периодов на Ланке. В настоящее время ученые единодушны во мнении, что многие пещеры, стоянки, артефакты каменного века, в особенности его позднего периода, принадлежат протоавстралоидам, то есть предкам веддов¹⁶.

Предки современных сингалов появились на острове в середине первого тысячелетия до н. э., что подтверждается данными сингальских хроник «Дипаванса» и «Махаванса» (датируемых соответственно IV и V вв. н. э.), содержащих сведения о миграции многочисленного племени из Северной Индии¹⁷. Древнейшими районами обитания сингалов на острове являются северный (северо-западный) и юго-восточный; позднее (около XIII в. н. э.) они заселили юго-западную часть острова. Еще позже, в значительной степени под давлением иноземных захватчиков, они обжили центральный горный район острова. Возможно, что заселение юго-восточного района было связано с какими-то особыми потоками миграции. Существует предположение, что речь идет о группе переселенцев во главе с ответвлением одной из царских династий Южной Индии. К сожалению, история дравидских народов Южной Индии не имеет хорошей письменной традиции, поэтому многие ее периоды, особенно древние, недостаточно ясны. Тем не менее нельзя оставить без внимания тот факт, что во многих произведениях тамильской литературы содержатся упоминания о путешествиях и походах на остров Ланку, причем в очень давние времена. В тамильском фольклоре также нередко встречаются сюжеты о поселении на острове с незапамятных времен племен и народов Южной Индии. Можно полагать, что предки дравидов действительно издавна приходили на Ланку и как завоеватели, и как мирные иммигранты. Не исключено, что перед приходом мощной волны индоевропейских переселенцев (запечатленной в легенде о Виджайе) на острове кроме протоведдов жили и предки современных дравидов¹⁸. Хотя научные свидетельства пока не дают нам достаточных сведений для создания полной исторической картины, хорошо известно о давних традициях мореплавания у дравидов. Указания на связи древних сингалов с югом Индии и миграции из Южной Индии на Ланку обнаруживаются в самых ранних разделах упомянутых сингальских хроник. В более поздний период мы находим на Ланке и правителей из Южной Индии: они многократно завоевывали трон в Анурадхапуре. Со 145 по 101 гг. до н. э. сингальским

¹⁵ Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971; Кочнев В. И. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX века. М., 1976; *его же*. Ведды//Малые народы Южной Азии. М., 1978.

¹⁶ Малочисленное племя веддов Шри Ланки и доныне ведет образ жизни, в значительной степени близкий укладу жизни первобытных охотников и собирателей. Предполагают, что в древности это был гораздо более многочисленный народ, частично истребленный, а в какой-то степени ассимилированный более поздними насельниками острова. Признано, что участие веддоидов было весьма значительным в этногенезе сингалов (как, впрочем, и дравидов).

¹⁷ Эти сведения имеют форму легенды о царевиче Виджайе, изгнаннике североиндийского царства, который после долгих морских скитаний достиг вместе со своими спутниками берега Ланки. Наши взгляды на эту легенду и в целом оценка исторической значимости упомянутых хроник частично изложены в статье «Сингальский царь Пандукабхая — прообраз Кришны?» (см. Сов. этнография. 1987. № 6).

¹⁸ Pakeman S. A. Ceylon. L., 1964. P. 26.

царством правил Элара из страны Чолов¹⁹, с 44 по 29 гг. до н. э.— Пандии. Серьезные вторжения тамильских завоевателей происходили в V в. до н. э., а в IX—XI вв. эти завоевания достигли такого масштаба, что вся страна оказалась на несколько десятилетий под властью южно-индийских правителей. В XIII веке создается самостоятельное тамильское царство на севере острова. После нашествий в стране оставались новые поселенцы. Сингальские правители в своей междоусобной борьбе нередко обращались за помощью к южноиндийским соседям. Активные политические, экономические, культурные связи существовали и во времена более мирных отношений между странами, в частности, при правлении династий Сатаваханов и Паллавов в Южной Индии (II в. до н. э.— VIII в. н. э.). Отдельные правители оказывали друг другу военную поддержку в династической борьбе, как это делали Махаванна и Нарасинхаварман (XVIII в.). Поддерживались торговые отношения. Кандийские цари имели тесные связи с правителями юга Индии, в частности, в форме династических браков (особенно в XIII в.); тамилы играли важную роль при кандийском дворе.

В результате в течение веков все новые и новые группы южноиндийского происхождения вливались в ланкийское население и многие из них были ассимилированы сингалами²⁰. Переселение из Индии ремесленников и других групп населения происходило постоянно. В укладе жизни сингальских правителей были чрезвычайно сильны традиции индийских царских дворов, важную роль играли индуистские жрецы (в совершении ритуалов магико-защитного свойства, обрядов жизненного цикла). Здесь же всегда подвизались и представители традиционной индийской науки, в частности знатоки санскрита, тамильского и других индийских языков.

Велико значение южноиндийского элемента в ланкийской культуре. Его можно обнаружить в архитектуре, музыке, танце, театре. Так, характерный кандийский стиль деревянной архитектуры имеет параллели в строении храмов Кералы и Южного Карнатака, некоторые барельефы и горельефы Исурумунии, изображающие животных, напоминают скульптуры Махабалипурама. Дравидское влияние прослеживается во многих явлениях культуры сингалов: в одежде, домашней утвари, чертах быта, укладе жизни, социальных нормах, брачных и свадебных обрядах, народных верованиях и др. Причем можно отметить особое влияние Кералы, культуры ее народа малаяли. Некоторые ученые полагают также, что малаяльский компонент составлял значительную часть в этническом составе и культуре ланкийских тамиллов.

Такова история. Обратимся к современности и рассмотрим некоторые этнические черты двух основных народов, населяющих Шри Ланку, с точки зрения их этнодифференцирующих или интегрирующих функций. Разница в физическом облике этих народов не составляет такого контраста, чтобы даже в условиях общества, зараженного многими социальными предрассудками, иметь существенное значение²¹.

Языковая же ситуация такова. Как правило тамилы владеют сингальским языком, реже — сингалы тамильским²². Сингальский язык имеет

¹⁹ Кстати, прославленный в хрониках как добродетельный и справедливый царь, правитель, пекущийся о благе подданных, покровитель буддизма, не отказавшийся однако от своей «ложной веры».

²⁰ В частности доказано, что некоторые сингальские касты (салагама, карава и некоторые другие) имеют южноиндийское происхождение. Интересно, что в коллективной памяти этих групп сохраняется предание о том, что их предки пришли из Южной Индии.

²¹ Например, в отношении цвета кожи: хотя, в целом, считается, что дравиды более темнокожи, индивидуальное варьирование оттенков цвета кожи имеет широкий диапазон; эстетически у обоих народов светлокожесть считается одним из признаков красоты.

²² Языки эти, как мы уже упоминали, принадлежат к разным группам, и знающие один из них не поймут другого, хотя научный анализ показывает большое влияние дравидских языков на сингальский (в частности, в области синтаксиса); в сингальском много и заимствований из тамильского языка. Есть заимствования из сингальского и в языке ланкийских тамиллов. На бытовом уровне, однако, это мало осознается носителями языков.

статус основного государственного языка (точнее, как он назван в конституции,— официального), хотя тамильский признан фактически вспомогательным официальным языком²³, поскольку на него переводятся все юридические документы, важные государственные материалы; на тамильском языке могут произноситься речи в парламенте, публиковаться статьи и другие материалы в государственной прессе и документах. Тамильский язык принят в судопроизводстве, на нем могут быть написаны всякого рода заявления, прошения и т. п. (при этом делается их перевод на сингальский язык). В судебных процессах, на собраниях государственной важности человек, не знающий языка, на котором они ведутся, имеет право потребовать перевода информации на известный ему язык, что, по конституции, должно обеспечиваться государством²⁴.

Как известно, большинство сингалов — буддисты, и буддизм имеет статус государственной религии: государство поддерживает эту религию, финансирует некоторые мероприятия буддийской общины и в то же время пользуется ее поддержкой в своей собственной деятельности, нередко освящает политические акты совершением буддийских ритуалов и т. п. Тамилы в основном исповедуют индуизм. Мы в данном случае не будем касаться вопроса об исконном родстве этих религий, а также не станем вдаваться в подробности высшей философии и догматики этих религий. В настоящей статье для нас важнее формы религиозной практики этих народов. Буддисты для совершения многих религиозных отправлений посещают буддийские монастырские комплексы (пансала), индуисты — свои храмы (ковилы), хотя немало ритуалов у тех и у других совершается дома. В буддийском храме почитаются Будда и буддийские святые, в индуистском — в основном божества шиваитского цикла. Однако, и на территории буддийских монастырей есть помещения (как бы мини-храмы — девалы) для богов-покровителей, статус которых в представлении сингалов достаточно высок. Среди этих богов обнаруживаются и такие, чье происхождение связано с индуизмом (например, Упулван, чертами своими во многом напоминающий Вишну). Здесь же, в девале можно увидеть и просто изображения важных индуистских персонажей — и Брахму, и Шиву, и Ганешу, и Лакшми, и Кали, которые таким образом, совсем не представляются буддисту чуждыми. Сходны и формы почитания богов (а в известной степени и Будды), также имеющие глубокую историческую давность и корни в общеиндийской традиции. В обрядах и у сингалов, и у тамиллов немалое место занимает почитание божеств Солнца, Земли и Луны, у тех и у других в почете астрология. Сходны и понятия о демонах и духах, способных приносить зло и требующих своей дани от человека,— хотя конкретные культы и ритуалы, связанные с ними, конечно, имеют своеобразные черты у каждого народа. Однако важным универсальным понятием и средством обрядовой практики и для сингалов-буддистов, и для тамиллов-индуистов является магия. Магико-охранительный характер носит большинство ритуалов и церемоний религиозного характера. Даже многие магические символы имеют одно и то же значение (числовая, предметная магия и т. п.). Для иллюстрации существующего положения в сфере религии обратимся к храмовому комплексу на юге (точнее юго-востоке) Шри Ланки — в Катарагаме. Само название местности связано с именем бога Катарагамы (отождествляемого со Скандой) и там, на реке Мьяник-ганге, находится его главный храм. Поклоняются ему и тамилы, и сингалы. Общераспространенным является мнение, что это «сильный» бог, исполняющий очень многие желания и просьбы, и приток верующих к нему из разных этнических групп велик. В Катарагаме раз или два в год в честь бога устраиваются танцы на раскаленных углях, которые еще в начале века «испол-

²³ Здесь действует прежде всего Акт относительно тамильского языка (Особые Обеспечения № 28 от 1958 г., как записано в Конституции от 1972 г.).

²⁴ Фактически третьим официальным языком является английский. На английский язык также осуществляются переводы важных государственных документов. Он распространен в сфере административной, в крупных финансовых, торговых и других учреждениях.

нялись» только тамилами, а теперь в них принимают участие и сингалы. Почти рядом с храмом Катарagama расположен храм Упулвана, который обычно посещают сингалы, а немного дальше — храм Шивы, столь почитаемого тамилами. Неподалеку же возвышается и белое, колоколообразное тело громадной ступы — важного культового сооружения буддистов. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что религиозные различия между сингалами и тамилами на Ланке в сущности не дают оснований для антагонизма.

Обратимся к аспектам материальной культуры. Различия в одежде являются определенным этнодифференцирующим признаком в сингалотамильской среде. У женщин-сингалок есть специфический костюм, состоящий из кофточки и несшитой юбки — он характерен для жителей равнинных областей (преимущественно сельских). Горные сингалки носят сари, но повязывают его специфическим способом и дополняют кофточкой со сборчатым рукавчиком. Тамилки преимущественно носят сари, и можно найти некоторые отличия в том, как они им укутываются. В частности, свободным концом сари они иногда укрывают голову, чего обычно не делают сингальские женщины. В социальных «низях» у тамиллов до сих пор сохраняется обычай носить сари без кофточки. Но существует также и общий способ ношения сари (мы назвали бы его городским, ланкийцы иногда именуют его индийским), и он, кстати, распространен и в Индии, и в других странах южноазиатского региона. Есть некоторые различия в прическах, в выборе украшений.

Для мужчин-сингалов характерным элементом одежды является традиционная сшитая прямая юбка — сарама, тамилы чаще носят несшитую юбку типа вешти (как и в Южной Индии); имеются также некоторые различия в расцветке и узоре ткани. Прежде сингалов отличала особая прическа (узел волос на затылке), а у высшей касты — и черепаховый круглый гребень, воткнутый сзади, но теперь ее можно увидеть лишь у некоторых пожилых мужчин. В целом в мужском костюме ланкийца появилось много элементов европейской одежды: брюки, шорты, рубахи, что заметно унифицирует облик представителей разных этнических групп. Пожалуй, меньше всего различий в одежде детей: у младенцев она часто отсутствует, обереги же и амулеты имеют сходный вид и смысл; для детей постарше распространена одежда европейского типа — платица, штанишки. Разумеется, наибольшее различие наблюдается в ритуальной и праздничной одежде. К примеру, сингальская невеста чаще бывает в белом одеянии, а тамильская — в шафранно-оранжевом или красном. Особые костюмы имеют жрецы различных культов.

В пищевых традициях сингалов и тамиллов на Ланке есть различия, которые можно рассматривать как этнодифференцирующие, но есть и значительное сходство, обусловленное единством природной среды, историческим родством и взаимным влиянием. Сходство обнаруживается в наборе блюд и в составе трапез. Главной продовольственной культурой и основным блюдом у тех и у других является рис, а к нему готовится большой набор всевозможных кари. Кари преобладают овощные, но бывают и мясные; несмотря на то, что и тамилам, и сингалам по религиозным традициям следовало бы избегать есть мясо, равно как рыбу и яйца, строгих вегетарианцев среди них мало. Аналогичны определенные виды мучных изделий, нередко с похожими названиями, острые блюда-приправы. И тамилы, и сингалы считают рис, сваренный в молоке (особенно кокосовом), праздничным блюдом, но у последних оно имеет исключительно ритуальную ценность. Есть сходные напитки, употребляются одни и те же приносы. Конечно, имеются и различия, и не только в частностях приготовления блюд, но и принципиальные. Так, для сингалов более характерно тушение как способ обработки продуктов, а для тамиллов — жарение (тут возможен некоторый вкусовой «конфликт» кухонь); тамилы чаще пользуются кунжутным маслом, а сингалы — кокосовым. Сингалы отдают предпочтение рисовой муке, а тамилы чаще пользуются пшеничной, просяной, гороховой, а также манной крупой. Тамилы больше употребляют кисломолочных продуктов. Есть отличия в этикете при-

ема пищи: сингалы вначале накладывают рис, а тамилы сначала берут кари и приправы. Существуют и другие особенности.

В традициях строительства и использования жилища можно, пожалуй, найти больше сходства, чем различий, которые в основном диктуются субрегиональными климатическими особенностями.

Общие черты можно отметить и в социальной структуре сингалов и тамиллов, в частности, кастовую организацию этносов. Идея касты живуча и сильна у обоих народов. Характерно высокое положение на Ланке касты земледельцев (гойгама — высшая сингальская каста, веллала — тамильская, вторая после крайне малочисленной касты брахманов). В семейной жизни сингалка, пожалуй, несколько более независима, чем тамилка, но обе имеют заметную самостоятельность, хотя главой семьи у обоих народов считается мужчина. Модель воспитания детей и у тех, и у других примерно одинакова и является вариантом более общего типа, в целом характерного для народов Южной Азии, и в основном согласуется с древнеиндийским афоризмом: «До пяти лет обращайся с сыном как с царем, с пяти до пятнадцати — как со слугой, после пятнадцати — как с другом».

В брачных обычаях также обнаруживаются отдельные черты сходства, в частности, обычай кросскузенного брака, важность участия в сговоре и ритуале свадьбы материнской стороны, обычай матрилокальности (хотя он больше характерен для сингалов), отсутствие категорического запрета на повторный брак вдов и даже разведенных, хотя большого одобрения это и не вызывает. Однако сами свадебные обряды имеют много черт своеобразия. У тамиллов заметна большая склонность к официальной фиксации брака (обрядом, гражданской регистрацией), у сингалов же буквально до последних десятилетий, особенно в деревнях, существовали браки без регистрации, а иногда и без совершения свадебного ритуала. Тамилки имеют особый знак замужества — ожерелье «тали» (как и в Индии).

А между тем имеется немало примеров межэтнических браков вплоть до наших дней. Чаще в таких случаях сингалы женятся на тамилках: существует мнение, что тамильские девушки очень красивые, они слывут мягкими, преданными женами.

Каждый народ имеет свои собственные праздники (поскольку большинство из них так или иначе связаны с религиозными воззрениями), но есть дни, которые отмечаются и сообща. К примеру 13 апреля — это Новый год сингалов, но так как он связан с общим календарным ритмом жизни страны (в частности, он отмечается отпуском и каникулами), его отмечают и другие этнические группы.

Бесспорны литературные и традиционно-научные связи сингальской и тамильской культур, давние и многообразные. Сингальская литература, в частности, нередко пользовалась тамильскими источниками.

Немало сходства в общих ценностных установках: высокий статус религиозно-магических ценностей, иерархическое построение социума, отношение к браку и семье как центру и цели существования индивидуума и многое другое. В народном искусстве, ремеслах, несмотря на естественное их родство, ярко проявляется и этническая самобытность, своеобразие эстетического «видения» гармонии, форм, цвета и т. п.

Проблема форм и характера общежития и контактов в реальной жизни между представителями разных этнонациональных групп на Ланке заслуживает особого рассмотрения (ведь фактически они часто живут в тесном соседстве, есть отдельные районы, где та или иная группа преобладает). Можно отметить общие линии этих контактов: служебные, деловые (в том числе партнерские), дружеские (реже — семейные). Автору и самой довелось видеть примеры таких связей и отношений, а также слышать рассказы о взаимной выручке представителей разных национальностей в периоды межэтнических конфликтов.

Обобщая этнографические характеристики, можно сказать, что в культуре обоих народов обнаруживается немало черт близости и родства. Это еще раз говорит о том, что поиски подлинных причин сопер-

ничества, конфронтации (иногда проявляющихся в самых острых формах), следует вести в основном в области социально-экономической, социально-политической. В условиях капиталистического общества лозунг защиты национальной культуры всегда останется ограниченным, выражающим по преимуществу интересы национальной буржуазии. Как писал В. И. Ленин, «при капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*»²⁵. В условиях колониальной Ланки, как и многих других зависимых стран, борьба за возрождение национальной культуры входила в программу общей национально-освободительной борьбы против чужеземных поработителей. И тогда ее задачи ставились и воспринимались в известной степени обобщенно, а теоретическая программа была достаточно расплывчатой, несмотря на искренность и пафос, которые в ней выражались. Следует признать, конечно, что в плане эмоционально-психологическом призыв дорожить своим национальным прошлым, сохранять и возрождать ценности традиционной местной культуры находил горячий отклик в сердцах людей, сплывал отряды и классы, принадлежавшие разным национальным общностям. В области развития традиционной национальной культуры сообща трудились представители и сингальской, и тамильской интеллигенции, в частности изучали корни и связи обеих ветвей культурной традиции Ланки. Не случаен был оживившийся интерес к индийской культуре как близко родственной. Сознавалось и своеобразие исторической судьбы острова, особенностей культурных традиций ее народов, в частности важнейшее для Ланки общекультурное значение буддийской традиции. Тамильские ученые участвовали в пропаганде буддийского философского наследия. Усилия соединялись на просветительской ниве, в борьбе за демократизацию (в буржуазном смысле) и «национализацию» местного законодательства. Мысль о едином государстве с национальным правлением, учитывающим интересы всех граждан, господствовала, хотя представления о формах осуществления такого правления были недостаточно четкими. Можно с уверенностью говорить, что в послеоктябрьский период растет политическая осознанность в национально-освободительном движении Ланки, появляются новые формы борьбы и общественной консолидации. В 20-е годы активнее становится участие пролетариата в национально-освободительном движении, в него вовлекаются и более широкие массы мелкой буржуазии и крестьянства. В конце 20-х — начале 30-х годов радикальная интеллигенция Ланки уже последовательно изучает опыт Советского Союза в строительстве новой жизни, государства нового типа, достижения социализма. В эти годы впервые, вместо борьбы за конституционные реформы, с полной определенностью выдвигается лозунг борьбы за независимость страны. «Те, кто выдвинул этот лозунг, вдохновлялись победой Октябрьской революции и великим примером Советского Союза»²⁶.

В 1943 г., во время второй мировой войны (когда наблюдался новый всенародный подъем антиколониального движения) была создана коммунистическая партия Цейлона, ставшая главной выразительницей интересов рабочего класса Ланки, вошли в нее также представители крестьянства и передовой интеллигенции. Она соединила в своих рядах людей из разных этнических групп. В целом возрастает влияние социалистических и коммунистических идей. Прогрессивную программу по национальному вопросу разработала Социалистическая партия, требовавшая признания равных прав представителей всех национальностей, а также религий и каст. Члены этой партии были сторонниками применения местных языков во всех сферах общественной жизни и в прессе. Социалисты выступали против национальной и религиозной розни, за сплочение рядов трудящихся. Четкую позицию по проблеме национальных отношений на Ланке с самого начала заняла компартия: она выступала за полное равенство всех жителей острова без различия их на-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 22.

²⁶ Кейнеман П. Сорок лет социализма. М., 1958. С. 19.

циональной принадлежности, за свободное развитие национальных меньшинств и уничтожение всех форм дискриминации. В этом отношении ланкийские коммунисты всегда глубоко сознавали, говоря ленинскими словами, «обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях»²⁷. А народы Ланки испытывали такой гнет в течение более чем четырехсот лет европейской колонизации.

Может показаться парадоксальным (хотя лишь на первый взгляд), что обострение национальных противоречий приходится уже на первые годы после достижения страной относительной независимости — статуса доминиона в рамках Британского содружества наций (4 февраля 1948 г.; лишь 1972 г. стал годом рождения Шри Ланки — Демократической Социалистической Республики). В действительности в этом проявились две основные тенденции: с одной стороны, активизация процессов национального самосознания, а с другой — усиление общественных противоречий классового характера. Примечательно, что первый премьер-министр частично освободившейся от колониальной зависимости Ланки Д. С. Сенанаяке, представлявший интересы крупной сингальской буржуазии, за первые годы своего правления провел несколько законов, ограничивавших права индийских тамиллов (входивших в основном в пролетарские слои населения) в вопросе гражданства и участия в выборах, хотя по отношению к представителям крупной буржуазии из национальных меньшинств он проявлял лояльность и склонность к сотрудничеству. Впрочем партии, представлявшие крупную национальную буржуазию, в целом никогда не теряли и своей заинтересованности в связях с Западом.

Существенные изменения в жизни ланкийского общества произошли в 1956 г., когда к власти пришел Объединенный народный фронт во главе с партией Шри фридом ланка (Партия свободы) и его лидером Соломоном Бандаранаике. В этот период цели общенационального развития становятся знаменем государственной политики. Во главу угла прежде всего было поставлено буддийское вероучение, считавшееся символом и оплотом государственной консолидации и независимости. В значительной степени это было одной из форм продолжавшейся антихристианской борьбы, в частности, с проанглийски настроенной частью национальной буржуазии. Правительство Соломона Бандаранаике провело в жизнь множество демократических реформ и нововведений в экономической, политической и культурной жизни страны. Прогрессивные начинания в области внутренней и внешней политики были поддержаны широкими слоями ланкийского населения. Очень важное место в правительственной программе занимали вопросы культуры: сохранение и развитие традиций, поощрение национальных искусств и ремесел, пропаганда достижений ланкийской культуры как в местной среде, так и за рубежом. Провозглашалось право на культурное и социальное развитие всех национальных меньшинств страны. Однако конфликтная ситуация возникла в связи с намерением объявить сингальский язык государственным — это вызвало недовольство и протесты прежде всего со стороны тамильского населения. Споры, дебаты и разногласия длились в течение нескольких лет, конституционное решение проблемы было принято лишь в 1972 г., когда премьер-министром страны была уже вдова С. Бандаранаике — Сиримаво Бандаранаике, продолжавшая дело мужа, трагически погибшего в 1959 от рук политических противников. Конституция 1972 г. и определила то языковое положение, которое описано нами выше.

К сожалению, вопрос национальных отношений нередко становится предметом политической игры, а сплочение рядов различных групп населения Шри Ланки за национальное единство проходило и проходит в острой борьбе с тенденциями общинного и этнического сепаратизма, в которых более всего проявляют себя интересы и амбиции различных

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 168.

групп правящих классов ланкийского общества. В последние годы особенно обострились коммуналистские тенденции, что проявилось в нескольких острейших вспышках национальной розни, вылившихся в акты насилия. Компартия Шри Ланки выступила против разжигания этнической розни, которое она рассматривает как антидемократические, антинародные акции, вредящие «делу единства трудящихся масс различных национальностей, их общей борьбе против всех форм эксплуатации и угнетения»²⁸. Ланкийские коммунисты объявили борьбу против коммунизма, за дружбу, равноправие и единство разных национальностей Шри Ланки. XII съезд КПШЛ, проанализировав сложившуюся ситуацию, объяснил причины конфликта экономическим, финансовым и политическим кризисом, к которому привела правящую партию ее эгоистическая, отстаивающая интересы крупной буржуазии проимпериалистическая политика. Перед лицом реальной угрозы политической независимости, суверенитету, территориальной целостности и единству многонационального народа Шри Ланка КПШЛ взяла на себя ответственность всеми возможными средствами «способствовать политическому решению проблем этнической розни путем диалога»²⁹.

Политическая острота национального вопроса в Шри Ланке в последнее время необычайно возросла. Мы знаем, как трудно дается урегулирование проблемы, несмотря на предоставление тамильскому населению Шри Ланки права автономного самоуправления, несмотря на индийско-шриланкийское соглашение, ставящее целью вернуть стране мир и спокойствие. Нормализации положения препятствуют действия вооруженных не без внешней помощи тамильских экстремистов, а также сингальских шовинистов, мусульманских фундаменталистов и других реакционных групп. Трудно гасится разгоревшийся пожар...

Фактически в этой ситуации сами проблемы развития национальной культуры оказываются как бы в тени, хотя здесь немало насущных потребностей. Существуют также задачи, которые требуют своего осознания и углубленной разработки их решения. В местной традиционной науке имелось немало отраслей с глубокими историческими корнями: этика, эстетика, логика, философия, грамматика, теория литературы, историческая наука и др. Однако современная научная традиция начала развиваться лишь с конца прошлого века, испытав заметное влияние западной науки (процесс «притирания» этих двух научных традиций продолжается и в наши дни). Определенные достижения уже есть у таких отраслей новой науки, как археология, эпиграфика, языковедение, текстология, литературоведение, история и некоторые другие. Характерно, что большинство научных отраслей в целом до сих пор имеют главным образом историческую направленность. Тот интерес, который проявляется к собственной культуре, и теперь преимущественно остается историческим в широком смысле этого слова, можно сказать, даже несколько «пассеистическим». Но еще не получили должного развития такие отрасли, как искусствоведение, фольклористика, слабо изучаются современные языки Шри Ланки. Очень большие задачи стоят перед национальной этнографией. Необходимость этнографической работы, в частности, и для практических целей, осознается многими учеными и деятелями культуры Шри Ланки. Но пока что культура разных групп населения исследуется главным образом отдельно; имеется некоторое однообразие тематики в сфере изучения духовной культуры; изучение же материальной культуры, особенно современной, практически едва начинается. К сожалению, для многих отраслей науки характерна разрозненность тематики, неразработанность теоретической базы. Немало задач и проблем в области культурно-просветительной работы, в музейном деле, в сохранении и реставрации памятников культуры. Свои непростые задачи имеет дело сохранения и развития многих традиционных видов искусства и ремесел.

²⁸ Кейнеман П. Что кроется за конфликтом//Проблемы мира и социализма. 1984. № 2. С. 49.

²⁹ Сильва К. П. Отстаивая независимость, демократию, развитие//Проблемы мира и социализма. 1984. № 8. С. 24.